

Предисловие

Зомия — новое обозначение практически всех территорий, расположенных на высоте более чем триста метров над уровнем моря от центральных высокогорий Вьетнама до северо-востока Индии и пересекающих пять государств Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Камбоджу, Лаос, Таиланд и Бирму) и четыре провинции Китая (Юньнань, Гуйчжоу, Гуанси и частично Сычуань). Это пространство площадью 2,5 миллиона квадратных километров заселено сотней миллионов представителей различных меньшинств, формирующих изумительную по своему этническому и лингвистическому разнообразию общность. С географической точки зрения речь идет о материковом массиве Юго-Восточной Азии. Эта огромная территория находится на периферии девяти государств, не оказываясь при этом в центре ни одного из них; она простирается вопреки традиционным региональным обозначениям (Юго-Восточная Азия, Восточная Азия, Южная Азия) и край не интересна не только своим экологическим разнообразием, но и взаимоотношениями с окружающими государствами, а потому представляет собой неизведанный объект изучения, своеобразные многонациональные Аппалачи, требующие нового подхода к страноведению.

Моя концепция проста, соблазнительна и спорна. *Зомия* — крупнейший из сохранившихся на Земле регионов, чьи народы до сих пор не были поглощены национальными государствами. Ее дни сочтены, хотя еще совсем недавно подобные самоуправляющиеся общности составляли большую часть человечества. Сегодня равнинные государства воспринимают их как «живых предков», тех, «кем они сами были до того, как изобрели поливное рисоводство, буддизм и цивилизацию». Я же, наоборот, считаю, что жителей гор следует воспринимать как сообщества беглецов и бродяг, сознательно выбравшие для жизни необитаемые территории и в течение двух тысячелетий спасавшиеся от угнетения, с которым было сопряжено государственное строительство на равнинах, — от рабства, воинской повинности, налогов, барщины, эпидемий и войн. Большую часть районов, где они проживают, можно назвать осколочными зонами, или убежищем.

Практически все в жизни населяющих эти зоны народов, включая социальную организацию, идеологию и (что более спорно) в основном устную культуру, следует воспринимать как стратегические решения, принятые, чтобы удержать государство на рас стоянии. Территориальное рассеяние на пересеченной местности, мобильность, земледельческие практики, структуры родственных связей, подвижные этнические идентичности, приверженность харизматическим лидерам-пророкам были эффективными средствами избежать инкорпорирования в окружающие государственные образования и предотвратить появление аналогичных им институциональных структур. Конкретное государство, от которого бежало большинство этих народов, — ранняя китайская империя династии Хань. Истории о подобных бегствах зафиксированы во множестве горных легенд. Документальные источники, если и не вполне достоверные до 1500 года, позже хорошо описывают постоянные военные кампании против горных народов при китайских императорах династий Мин и Цин, приведшие к беспрецедентным восстаниям на юго-западе Китая в

середине XIX века, после чего миллионы жителей страны стали беглецами. Отток населения из бирманского и тайского государств, промышлявших работоторговлей, также подробно задокументирован.

Я надеюсь, что моя аргументация подходит не только для той части Азии, о которой я, собственно, пишу. Огромный пласт литературы, посвященной современному государственному строительству и его истории, практически не обращает внимания на его прямую противоположность — целенаправленную и принципиально-активную безгосударственность. Это история людей, избежавших государственной жизни; и без этой версии событий невозможно понять историю становления государств, а потому речь, по сути, идет об анархической истории.

Подобная версия исторического процесса автоматически включает в него все те народы, что были вытолкнуты из принудительных форм государственного строительства и основанных на рабском труде социальных систем, — цыган, казаков, многоязычные племена, состоявшие из беглецов из испанских колоний в Новом Свете и на Филиппинах, коммуны беглых рабов, болотных арабов, сан-бушменов и т. д.

Она также пересматривает устойчивые представления о «примитивизме». Скотоводство, собирательство, подсечно-огневое земледелие, сегментарная система родства — это нередко формы «вторичной адаптации», «самоварваризации», которые использовались народами, выбиравшими такое местоположение, жизненные практики и социальные структуры, чтобы избежать поглощения государством. У живущих в тени государств подобное уклонение от них прекрасно сочетается с производными, имитационными и паразитическими государственными формами в горных районах.

Моя модель исторического процесса разрушает доминирующий в Китае и иных странах цивилизационный дискурс о «варварах», «отсталых» и «примитивных» народах. При ближайшем рассмотрении все эти понятия на самом деле обозначают неуправляемые и пока-не-поглощенные-государством сообщества. Цивилизационные дискурсы никогда не признают, что люди по собственному желанию переходят в варварское состояние, а потому оно всячески стигматизируется и этнизируется. Этничность и «племена» возникают ровно там, где заканчиваются налогообложение и верховная власть государства, — в этом смысле между Китайской и Римской империями нет значимых различий.

Обычно используемые безгосударственными народами жизненные практики и системы родства воспринимаются как само собой разумеющиеся — экологически и культурно детерминированные. Но, проанализировав различные хозяйственные практики, в том числе выбор возделываемых культур, конкретные социальные структуры и модели территориальной мобильности с точки зрения их эффективности для бегства от государства, я прихожу к выводу, что все эти якобы данности на самом деле были сознательным политическим выбором.

Горы как убежище для беглецов от государства, включая партизан, — важная географическая тема. Я лишь развиваю идею сопротивления ландшафта как принципиально важную для понимания структурирования политического пространства и сложностей

государственного строительства в досовременную эпоху.

Если кого и стоит ругать за эту книгу, то только меня. Я ее написал. Давайте сразу поставим все точки над «і», прежде чем я начну извиняться и пытаться нанести (хотя и понимаю всю их бессмысленность) несколько упреждающих ударов против грозящих мне критических выпадов, основания для которых я прекрасно осознаю.

Меня часто упрекали в том, что я не прав, но крайне редко — в том, что мои тексты невразумительны и непонятны. Эта книга не является исключением. Я ни в коем случае не отрицаю, что де лаю весьма дерзкие заявления о жизни горных народов в материковой Юго-Восточной Азии. Я убежден, что в целом мои утверждения верны, даже если я и заблуждаюсь относительно отдельных деталей. Как и всегда, решение о том, прав ли я, — в руках моих читателей и рецензентов. Однако я хотел бы четко обозначить три важных для меня момента. Во-первых, ничего нового я не написал. Повторяю: в книге нет ни одной идеи, авторство которой полностью принадлежит мне. Что сделал я — предложил логику аргументации, которая связала воедино множество используемых мной источников, и попытался оценить ее эвристичность. Мой творческий вклад, если уж говорить о таковом, состоит в том, что я составил целое, соединив все точки. Я понимаю, что многие из тех, к чьим аргументам и гипотезам я прибегал, сочтут, что я слишком далеко зашел, — некоторые уже сообщили мне об этом, но, к счастью для меня, большинство уже не в состоянии на меня пожаловаться. Они не несут никакой ответственности за то, как я интерпретировал их идеи, — ровно так же меня не следует винить за то, как будут использованы мои идеи, изложенные в этой книге.

Я был несколько удивлен, когда осознал, что как будто превратился в историка — не особенно хорошего, но все же историка, причем достаточно древнего (по возрасту) историка древностей. Я осознаю профессиональные риски труда историка: скажем, когда историк собирается писать о XVIII веке, но вдруг понимает, что погряз в детальном описании века XVII, потому что именно тот заложил фундаментальные предпосылки интересующего его исторического периода. Нечто подобное случилось и со мной. Я читал этнографические описания горных племен и отчеты о нарушении прав человека бирманскими военными в регионах компактного проживания этнических меньшинств и вдруг осознал, что неотвратимо погружаюсь в изучение процессов агрессивного государственного строительства классических царств-мандал. Возобновлением исследований жизни доколониальной и колониальной Юго-Восточной Азии я обязан двум не связанным между собой лекционным курсам для аспирантов. Один был посвящен основополагающим текстам по истории этого региона и задумывался как своеобразный интеллектуальный учебный лагерь, где бы мы все читали те классические труды, которые стоят на полках большинства ученых, хотя им было бы стыдно признаться, что они их никогда не читали, включая и двухтомную «Историю Юго-Восточной Азии», изданную в Кембриджском университете. Для всех нас этот лекционный курс стал увлекательнейшим занятием. Второй курс был посвящен Бирме и базировался на тех же посылках.

Второе принципиально важное обстоятельство: все, что написано в моей книге, практически не имеет смысла для периода после Второй мировой войны. С 1945 года, а в некоторых случаях даже раньше, государство получило в свое распоряжение мощные технологии, сокращающие расстояния, — железные и всепогодные дороги, телефон, телеграф, самолеты, вертолеты, а сегодня — и новые информационные технологии, которые настолько изменили стратегический баланс сил самоуправляемых сообществ и национальных государств, настолько ослабили роль территориально-географических факторов сопротивления, что с этого времени мои аналитические выкладки теряют свое значение. Суверенные национальные государства сегодня устанавливают полный контроль над своими территориями до самых отдаленных границ и окончательно поглощают слабо или прежде не контролируемые районы. Потребность в природных ресурсах «племенных зон» и желание гарантировать безопасность и продуктивность периферии повсюду привели к реализации государством стратегий «поглощения», в соответствии с которыми по определению более лояльные и нуждающиеся в земельных участках жители равнин переселялись в горные районы. Так что не говорите мне, будто я вас не предупреждал, что мои гипотезы и выводы неприменимы к Юго-Восточной Азии в XX веке.

И наконец, меня очень беспокоит, что мой радикальный конструктивизм в трактовке этногенеза будет неверно интерпретирован и воспринят как девальвация и даже злостная клевета на идею этнической идентичности, во имя которой сражались и погибли множество смелых мужчин и женщин. Это совершенно не соответствует действительности. Все идентичности, все без исключения, конструируются социально: ханьская, бирманская, американская, датская — абсолютно все. Нередко подобные идентичности, особенно в случае меньшинств, сначала изобретаются мощными империями: например, ханьская династия придумала народность мяо, британские колонисты — народности карен и шан, французы — народность зярай. Самоизобретенные или навязанные, подобные идентичности более или менее произвольно выбирают ту или иную черту, какой бы размытой она ни была, — религию, язык, цвет кожи, особенности питания или средства существования — как свою базовую детерминанту. Перечисленные категории, институционализированные в географическом контексте, формах землепользования, судебной практике, обыденном праве, моделях выдвижения лидеров, школьной системе и официальном документообороте, могут стать настолько страстно проживаемыми идентификациями, что эти идентификации будут стигматизированы большими по размерам группами или обществом в целом и превратят своих субъектов в стойких противников социального порядка. Здесь придуманные идентичности соединяются с героическим самопозиционированием, превращаясь в почетный отличительный знак. В современном мире, где национальное государство стало главной политической формой, неудивительно, что подобное упорное отстаивание собственных прав обычно принимает форму этнонационализма. Поэтому по отношению к тем, кто, подобно народностям шан, карен, чин, мон, кая, рискует всем в борьбе за хотя бы какие-то варианты независимости и признания, я испытываю только восхищение и уважение.

Я признаю свой безмерный интеллектуальный долг по крайней мере перед пятью «мертвыми белыми», чьи ряды пополню в свое время. Они были первопроходцами на том пути, по которому я сейчас иду; без них я не смог бы даже найти эту дорогу.

Первый из них — Пьер Кластр, чья смелая интерпретация жизни коренных народов Южной Америки после Конкисты как заполненной практиками бегства от государства и предотвращения его формирования, изложенная в книге «Общество против государства», в свете полученных позже доказательств оказалась провидческой. Глубокие и смелые рассуждения Оуэна Латтимора о взаимоотношениях китайской империи Хань с ее скотоводческой периферией помогли мне осознать, что нечто подобное могло происходить и на юго-западной границе Китая. Выводы Эрнеста Геллнера о взаимодействии берберов и арабского населения навели меня на мысль, что именно там, где заканчиваются верховная власть и налогообложение, начинаются «этничность» и «племенной строй», то есть *варварство* — лишь предпочитаемое государством обозначение любых самоуправляемых народов, не являющихся его гражданами. Никто, вставший на тот путь, по которому я иду, никуда не дойдет, внимательно не ознакомившись с прекрасной работой Эдмунда Лича «Политические системы высокогорной Бирмы», — в этом мире не так много книг, с которыми «хорошо думается». И наконец, я в долгу перед Джеймсом Скоттом, больше известным как Шве Йо, военачальником, офицером колониальных войск, составителем «Географического справочника Верхней Бирмы» и автором книги «Бирманцы». Мы не родственники, но я столько узнал благодаря его метким наблюдениям и мы оба, согласно бирманскому астрологическому календарю, имеем схожие имена, поэтому я тоже принял имя Шве Йо, надеясь умиловить его духа.

Меня вдохновляли и направляли работы, иначе, чем принято, оценивавшие способы и причины, по которым оставшиеся-в-стороне-от-государственного-строительства люди изначально выбирали этот путь, работы, радикально пересматривавшие доминирующий цивилизационный нарратив, навязываемый само провозглашенной властью. Небольшая классическая монография Гонсало Агирре Бельтрана «Регионы бегства», опубликованная почти тридцать лет назад, обосновала применимость идей Кластра практически для всей Латинской Америки; позже Стюарт Шварц и Фрэнк Саломон провели тщательнейший и детальный анализ этой гипотезы. В географическом плане несколько ближе моим изысканиям исследования Роберта Хефнера о горах Тенгер на острове Ява и изучение Джеффри Беньямином народности оранг-асли в Малайзии — эти убедительные и блестящие кейс-стадис определили мое понимание Зомии.

Термином «Зомия» я полностью обязан Виллему ван Шенделю — он оказался настолько интеллектуально чуток, что осознал: эта огромная высокогорная географическая зона, простирающаяся до запада Индии (а по его мнению, даже дальше), исключительна и заслуживает собственного обозначения. Прочерчивая предметное поле «исследований Зомии», он поставил под сомнение привычные представления о том, что мы называем *территорией* или *регионом*. Я записался пехотинцем в армию Зомии (в полк психологической атаки) сразу после того, как ознакомился с его убедительным обоснованием необходимости введения этого термина. Виллем, я и еще несколько коллег с нетерпением ждем того дня, когда сможем созвать первую международную конференцию, посвященную изучению Зомии. Работа ван Шенделя, посвященная бенгальской границе, — прекрасный пример того, чего можно добиться, если мы безоговорочно примем его точку зрения.

Если бы я обладал необходимым терпением, а главное, стремлением к полноте изложения, в этой книге должна была бы и могла появиться глава о водных вариантах бегства от

государства. Я упоминаю о них лишь вскользь и очень сожалею, что не смог уделить им должного внимания. Многочисленные оранглауты (морские кочевники, или морские цыгане), поселившиеся на островах Юго-Восточной Азии, — по сути, морской, странствующий по островам аналог подсечно-огневых земледельцев горных твердынь. Как и горные народы, они традиционно обладают воинственным нравом и легко модифицировали свои жизненные практики от пиратства (морских набегов) и работоторговли до верной службы нескольким малайским королевствам в качестве военно-морских охранников и ударной силы в военных противостояниях. Стратегически выгодно проживающие на основных судоходных путях и способные наносить неожиданный удар и мгновенно скрываться, они формируют морскую Зомию, которая заслуживает упоминания в книге. Бен Андерсон, уговаривая меня продолжить изыскания в этом направлении, как-то сказал: «Моря больше и пустынное, чем горы и леса. Посмотри, насколько легко все эти пираты до сих пор отбиваются от Большой семерки, Сингапура и прочих, и как самоуверенно». Но, как заметит любой читатель, моя книга и так получилась слишком длинной, поэтому я решил оставить эту тему более компетентным авторам, и Эрик Тальякоццо превосходно начал ее изучение.

Следует также назвать четырех авторов, чьи мысли для меня чрезвычайно важны и без чьих исследований моя книга вряд ли была бы написана. Я не могу сосчитать, сколько раз перечитал работы Ф.К.Л. (Лимана) Чит Хлаинга и Ричарда О'Коннора, чьи идеи оказали влияние на меня. Виктор Либерман, первый историограф государственного строительства в Юго-Восточной Азии в сравнительном аспекте, и Жан Мишо, первым из нас поднявший флаг Зомии (как собственного названия высокогорий Юго-Восточной Азии), были для меня ключевыми собеседниками. Все четверо названных ученых демонстрировали мне высочайший уровень интеллектуальной заинтересованности, даже и особенно в те моменты, когда не соглашались с моими доводами. Их представления могут отличаться от моих, изложенных в этой книге, но я хочу, чтобы они знали, что сделали меня умнее — пусть и не настолько, насколько им хотелось. Кроме того, я бесконечно признателен Жану Мишо за его великодушное разрешение использовать объемные цитаты из его «Исторического словаря народов горных массивов Юго-Восточной Азии» в моем глоссарии.

Многие мои коллеги, у которых были варианты получше провести свое свободное время, тем не менее читали части или всю рукопись моей книги и давали мне искренние советы. Я надеюсь, что они заметят разбросанные по всему тексту свидетельства моего внимания к их замечаниям, поскольку благодаря им я старательно конструировал и продумывал более детализированную и внятную аргументацию. Перечислю их имена (без попыток как-то структурировать данный список): Майкл Адамс, Аджай Скариа, Раманчандра Гуха, Танья Ли, Бен Андерсон, Майкл Онг-Твин, Масао Иمامура, историки У Та Хтун Мауна и У Со Кйау Ту, археолог У Тун Тейна, геолог Артур Пе, Джеффри Бенъямин, Шаншан Ду, Мэнди Садан, Майкл Хетевей, Уолт Ковард, Бен Кеквлит, Рон Херринг, Индрани Чаттерджи, Хин Монг Вин, Майкл Доув, Джеймс Хаген, Жан-Барт Джевальд, Томас Барфилд, Тонг чай Виничакул, Кэтрин Боуи, Бен Кирнан, Памела Макэлви, Нэнс Каннингэм, Онг Онг, Дэвид Ладден, Лео Лукассен, Дженис Старгардт, Тони Дей, Билл Клауснер, Мая Тан, Сьюзан О'Донован, Энтони Рид, Мартин Клейн, Джо Гулди, Ардет Мон Таунгмун, Бо Бо Нге, Магнуса Фискесье, Мэри Каллахан, Энрике Майер, Анджелик Хогеруд, Майкл Макговерн, Тант Мьинт У, Марк Эдельман, Кевин Хеппнер, Кристиан Ленц, Эннпин Чин, Празенжит Дуара, Джефф Уэйда, Чарльз Кайз, Эндрю Тертон, Нобуру Ишикава, Кеннон Бризили и Карен Барки. Подождите! В

этом списке я засекретил имена четырех коллег, которые отказались высказать свои комментарии. Вы знаете, о ком я сейчас говорю. Стыдно! С другой стороны, если вы, пытаясь донести мою рукопись от принтера до своего письменного стола, упали, не вынеся ее тяжести, то примите мои извинения.

Я также хотел бы назвать несколько коллег, чьи работы оказали на меня влияние, суть которого мне сложно однозначно выразить. Исключительно проницательная работа Хьёрлифура Йонссона «Взаимоотношения народов мьен» определила логику моих рассуждений, особенно о пластичности идентичности и социальной структуры жителей гор. Микаэл Граверс обогатил мои знания о народности карен и космологических основаниях их миллениаристских верований. Эрик Тальякоццо прочел мою рукопись с поразительным вниманием и составил для меня обязательный к прочтению список работ, который я все никак не осилю. И наконец, я многому научился у пяти коллег, с которыми очень давно начал изучение «народных и официальных идентичностей»: Питера Салинса, Пингаева Луанггарамсри, Кванчевана Буадэнга, Чусакака Виттаяпаки и Дженет Стурджен, которая, на мой взгляд, является развивающимся практикующим исследователем Зомии.

Не так давно, в 1996 году, моя коллега Хелен Сью убедила меня принять участие в дискуссии в рамках конференции, посвященной народам, населяющим приграничные территории Китая. Эта конференция была организована Хелен, Памелой Кроссли и Дэвидом Фором и оказалась настолько по-хорошему провокационной и бурно-дискуссионной, что породила множество идей, изложенных ниже. Вышедшая по итогам конференции под редакцией Памелы Кроссли, Хелен Сью и Дональда Саттона книга «Окраины империи: культура, этничность и границы на заре новой китайской государственности» (University of California Press, 2006) насыщена оригинальными историческими гипотезами, теоретическими моделями и этнографическими данными.

Немало институций служили мне теплой гаванью и приютом на протяжении последнего десятилетия, когда я так мучительно медленно нащупывал свой научный путь. Я начал начитывать материал о высокогорьях Юго-Восточной Азии и взаимоотношениях государств и странствующих народов в Центре перспективных исследований в области поведенческих наук в Пало Альто, где Алекс Киссар, Нэнси Котт, Тони Беббингтон и Дэн Сигал стали для меня прекрасными собеседниками и благожелательными коллегами. Весной 2001 года я продолжил свои изыскания в Осло, в Центре развития и окружающей среды, где попал под обаяние и интеллектуальное влияние Дезмонда Макнила, Зине Хауэлла, Нины Виточек и Бернта Хагвета, а также принялся усердно изучать бирманский язык на радиостанции «Демократический голос Бирмы» под руководством терпеливого Хин Монг Вина. Первый вариант книги я закончил на кафедре глобалистики аспирантуры по изучению международного развития в Университете Роскильде. Я хочу выразить искреннюю благодарность Кристиану Лунду, Пребену Каарсхольму, Бодилу Фольке Фредериксену, Инге Йенсен и Оле Брун за интеллектуально бодрящую и исключительно приятную поездку.

В последние два десятилетия мои научные изыскания проходят на базе Программы аграрных исследований в Йельском университете. Коллеги, лекторы, выпускники и факультет, где я вел занятия, постоянно возрождали мою веру в существование подобного места для интеллектуальных занятий, способствующего общению, одновременно дружелюбному и сложному, радушному и жесткому. Кей Мэнсфильд всегда была и остается сердцем и душой программы, компасом на корабле наших интеллектуальных занятий. Мои коллеги К. Сиварамакришнан (больше известный как Шиви), Эрик Уорби, Роберт Хармс, Арун Агравал, Пол Фридман, Линда-Анне Ребхун и Майкл Доув не скупилась на участие в моем непрекращающемся обучении. Кроме того, Майкл Доув и Гарольд Конклин научили меня всему, что я знаю, о подсечно-огневом земледелии, которое принципиально важно для моего исследования.

У меня работали несколько научных ассистентов — столь инициативных и талантливых, что они спасли меня от месяцев бес полезных изысканий и от множества ошибок. Я уверен, что очень скоро они сделают себе имя в науке. Араш Хазени, Шафкат Хусейн, Остин Зидерман, Александр Ли, Кейти Шарф и Кейт Харрисон помогли мне превратить мой замысел в что-то значимое.

Мои многочисленные бирманские друзья, которые помогали мне бороться с бирманским языком, заслуживают по крайней мере огромной награды за столь тяжкий труд и, наверное, даже приобщения к лику святых (впрочем, в традиции Тхеравады следует говорить о божественных дэвах). Я хочу поблагодарить Сайя Хин Монг Ги, моего самого давнего, закаленного в боях за мои знания и самого терпеливого учителя, а также и всю его семью, включая Сан Сан Лин. Лет Лет Онг (известная как Виола Ву), Бо Бо Нге, Ка Лу По и Хин Монг Вин смело вступали со мной в невыносимо вялотекущие и дремучие разговоры. Куон Кьяу и Ко Со Кьяу Ту, не будучи формально моими учителями, тем не менее по-дружески помогали мне продвигаться вперед. И наконец, в Мандалае и многочисленных других путешествиях Сайя Найинг Тун Лин, учитель по призванию, придумал методику обучения, которая соответствовала моим скромным возможностям, и жестко ей следовал. Часто наши уроки проходили на просторном балконе на четвертом этаже небольшого отеля. Когда в четвертый или пятый раз подряд я чудовищно искажал тональность или звук, он резко вставал и подходил к краю балкона. Не раз я опасался, что в отчаянии он бросится через перила. Но он выдержал. Он возвращался назад, садился, делал глубокий вдох и начинал все заново. Без него я бы ни за что не справился.

Пока я мучительно подбирал подходящее название для своей книги, мой друг упомянул, что Джимми Казас Клаузен, политолог из Университета Висконсина в Мэдисоне, читал лекционный курс по политической философии под названием «Искусство быть неподвластным». Клаузен великодушно разрешил мне использовать это название для книги, за что я ему бесконечно благодарен. Я с нетерпением жду того дня, когда он, в чем я не сомневаюсь, подведет философскую основу под мои изыскания в собственной книге на эту тему.

Карты, представленные на страницах книги, были составлены благодаря искусству и воображению Стейси Мейплс, сотрудника Отдела карт Библиотеки Стерлинга в Йельском университете. Он картографически выразил мое понимание пространственных

особенностей государственного строительства в Юго-Восточной Азии[1].

Везде, где это казалось мне уместным, я включал в текст слова и иногда целые фразы на бирманском. Поскольку общепринятой системы транслитерации бирманского в латиницу не существует, я использовал модель, предложенную Джоном Океллом из Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета в первой части его книги «Бирманский: введение в разговорный язык» (Northern Illinois University, Center for Southeast Asian Studies, 1994). Чтобы не возникло путаницы, везде, где бирманский вариант был принципиально важен, я дополнял его бирманским написанием.

Я не мог и мечтать о более внимательном и талантливом редакторе для своей книги и других изданий, вышедших в серии Agrarian Studies, чем Джин Томсон Блэк. Вряд ли Yale University Press могло бы рассчитывать на более вдохновенного редактора, чем Дэн Хитон. Работая с моей рукописью, он сочетал уважение к тексту с непримиримостью к ошибкам и многословности, благодаря чему существенно улучшил качество итоговой версии книги, которая попадет в руки читателей.

И последнее, но важное замечание: я не смог бы задумать эту книгу и тем более претворить ее в жизнь без идей и поддержки, дарованных мне моей высококочтимой музой.

Версия #1

Зверобой создал 17 апреля 2025 22:24:15

Зверобой обновил 17 апреля 2025 22:26:22